

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СИБИРСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ «СИБИРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ»

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Анализируется процесс появления новых идентификаций в 1990-е гг., что было связано с деятельностью федеральных и региональных элит, формировавших новые «картины мира» для обеспечения своего политического выживания. Выявление идентификации сибирской политической элиты, форм её проявления, а также образов, вокруг которых она выстраивалась, позволит лучше понять механизмы взаимоотношений центра и регионов, способы достижения внутриэлитных компромиссов, а также причины сохранения единого государства.

Ключевые слова: Сибирь; «Сибирское соглашение»; межрегиональные ассоциации; идентичность; регионоведение России.

Актуальность темы и постановка исследовательских задач. Одним из важнейших процессов в ходе реформ 1990-х гг. стало структурирование социально-политического пространства: с одной стороны, вводились новые институты, практики, учреждения; с другой – изменялась система представлений и идентификаций. «Изменения в организации пространства (страны или региона) имеют следствием изменение коллективных представлений о нем, что неизбежно ведет к нарушению идентичности, созданию новых ее вариантов, возвращению к традиционным формам или даже к «потере» идентичности» [1]. Появление новых идентификаций было связано, прежде всего, с деятельностью федеральных и региональных элит, которые формировали (преимущественно через СМИ) новую «картину мира», которая должна была обеспечить их политическое выживание. Отметим, что акцентирование региональной (сибирской) идентификации стало важным для региональных элит только тогда, когда оно приобрело «политически значимый характер» [2. С. 16].

Ситуация 1990-х гг. интересна с точки зрения наличия высокой конкуренции «идеологических проектов», причем противостояние навязываемых обществу «картин мира» имело как горизонтальное, так и вертикальное измерение. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления представителей сибирской политической элиты, осознававшие важность такой «информационной борьбы»: «Мы все вместе и каждый в отдельности можем заработать себе инфаркт, совершив невероятные подвиги во имя своих территорий, но быть проклятыми своими народами, которые никогда не узнают, чем мы с вами занимаемся и какие проблемы решаем» [3. Л. 80]. «По своей территории Сибирь – половина России. Вы видите какое огромное влияние на массовое сознание играют средства массовой информации – «Останкино», радиотелевизионная компания России... Стоит вопрос о наведении порядка, идет борьба... Сегодня назрела необходимость создания журнала или возобновить, подготовить в виде приложения. На его страницах обмениваться прогрессивным опытом, заявить о себе, о «Сибирском соглашении» на всю Россию» [4. Л. 48].

«Некоторыми средствами массовой информации формируется образ региональной власти как виновницы всех бед, тогда как в действительности росту социальной напряженности способствует, прежде всего, невыполнение обязательств государства по федеральному бюджету, по оборонным заказам, отмене приоритетов по выплате заработной платы перед уплатой многочисленных налогов и прочих отчислений» [5. Л. 25].

Регионы, в лице местных элит, стали активными участниками политического процесса, и без их поддержки федеральный центр вряд ли мог рассчитывать на продолжение радикальных преобразований. В силу этого региональные лидеры пытались оказывать давление на центр при помощи разнообразных ресурсов, важнейшим из которых стала территориальная (или национальная) идентификация.

В Сибири, наряду с актуализацией идентичности в рамках отдельных субъектов Федерации, шел процесс формирования идентичности сибирской, которую можно обозначить как «межрегиональную». Во многом это было связано с деятельностью Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС), созданной в условиях нарастающего кризиса в октябре 1990 г. Участники Ассоциации, определяя свои идеино-целевые установки и развивая особые практики взаимодействия как между собой, так и с федеральным центром, способствовали формированию «особого места» Сибири в информационном пространстве и властном дискурсе.

Таким образом, выявление идентификации сибирской политической элиты, форм её проявления, а также образов, вокруг которых она выстраивалась, позволит лучше понять механизмы взаимоотношений центра и регионов, способы достижения внутриэлитных компромиссов, а также причины сохранения единого государства.

Объектом исследования стала идентификация глав администраций и председателей региональных законодательных собраний субъектов РФ, являвшихся представителями своих территорий на Советах МАСС. При этом главы администраций и заксобраний являлись региональными политиками, т.е. могли

принимать решения (в широком смысле) и обладали возможностью для их реализации в масштабах региона, а также располагали ресурсом, позволяющим влиять на принятие решений в политическом центре страны. Именно эти характеристики позволяют говорить о них как о политической региональной элите. Предметом исследования являются формы проявления идентификации сибирской политической элиты.

Исследовательские задачи:

1) показать динамику формирования сибирской идентификации и факторы, актуализирующие идентификацию региональной элиты;

2) выявить смысловые компоненты, лежащие в основе самоотождествления руководителей сибирских территорий;

3) рассмотреть мотивацию региональных лидеров при использовании ими конструктов «сибирской идентификации», т.е. определить, кому и с какой целью региональная политическая элита транслировала свое отождествление.

Источники. Для выявления и анализа «сибирской властной идентичности» были использованы стенограммы заседаний Советов Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», в которых содержатся речи (тексты) руководителей регионов. На этих заседаниях представители региональной элиты гораздо тоньше чувствовали свою общность («сибирскость»), чем где-либо. Этому способствовало и присутствие на Советах представителей федерального центра, в диалоге с которыми региональные лидеры осознавали себя относительно «единым целым».

Важность используемого источника определяется тем, что региональные лидеры находились в «своем кругу», их выступления были для «своих» («понимающих», «посвященных»), что позволяет рассматривать содержащуюся информацию как более «адекватную» реальным представлениям региональной элиты, в отличие от высказываний (текстов), адресованных широкой публике (в СМИ, на встречах с избирателями и т.д.). Значимость стенограмм как источника для выявления смысловых компонентов «сибирской идентичности» определяется и формой фиксации материала, т.е. наличием оговорок, шуток, метафор и т.д.

Динамика формирования сибирской идентификации и факторы, способствовавшие актуализации сибирской идентификации:

Изменение коллективных представлений о территориальном пространстве и своем соотнесении с ним происходит не мгновенно, а проходит определенные этапы. При формировании властной сибирской идентификации в 1990-е гг. можно выделить следующие этапы:

Первый этап – вторая половина 1990 – начало 1991 г. В этот период был сделан первый шаг в переходе от союзной к региональной (сибирской) идентичности. Центр провозгласил идею территориального хорасчета, что привело к актуализации представлений о региональной особости. Последние получили научную поддержку в разрабатываемых экономических программах, где четко прозвучали такие проблемы, как кто кого из республик «кормит», кто за

счет кого живет, кто больше пострадал от политики центра и т.д. [6. С. 3–19]. Широкое обсуждение этих проблем в СМИ способствовало формированию особого самовосприятия у жителей регионов, в том числе Сибири.

Второй этап – середина – конец 1991 г., когда явно обозначился кризис советской (общегосударственной, союзной) идентичности, что проявилось в разрыве экономических связей, ощущаемых реально, – стали нарушаться договоры о поставках, и предприятия вынуждены были останавливать процесс производства. Создание МАСС стало прямым следствием данного кризиса и началом формирования новой региональной идентичности у руководителей территорий. Главы Советов (органов власти и управления), пытаясь наладить экономические связи в пределах Сибири, начинали мыслить региональными категориями, формально не отказываясь от «общесоюзной» риторики. При этом все настойчивее звучала мысль о том, что Центр не учитывает позицию территорий, а начало формирования единого информационного пространства Сибири может рассматриваться как ресурс для конструирования региональной идентификации.

Третий этап – 1992–1993 гг. – определяется процессами, угрожавшими развалом России, подписанием Федеративного договора и поиском регионами «своего» места в новом государстве. В момент политического кризиса второй половины 1992–1993 гг. региональные элиты стали воспринимать себя в качестве «третьей силы», чему способствовали действия центральных органов власти (шел процесс политического «заигрывания» с регионами). Отношения на территориях к участникам конфликта в Москве могло быть различным, но осознание «своего» (регионального) возросшего значения прослеживается достаточно четко. Негативные результаты радикальных рыночных реформ придали мощный импульс развитию «сибирской идентификации», предпосылки складывания которой обозначились в период конца 1990–1991 гг.

Четвертый этап – 1994–1999 гг. – это время относительно сформировавшейся региональной идентичности у руководителей территорий. По текстам (выступлениям на Советах МАСС, программам развития, переписке между регионами и с Центром) явно прослеживается осознание сибирской политической элитой своих (региональных, сибирских) интересов и некой общности. Складывается особый властный межрегиональный (сибирский) дискурс, в рамках которого формируемые региональными лидерами «картины мира» (о справедливых федеративных взаимоотношениях, об эффективной региональной политике и т.д.) транслируются в федеральный Центр и воспринимаются последним, становясь предметом дискуссий и внутриэлитного «торга».

Факторами актуализации сибирской идентификации у региональной политической элиты стали:

1. Процессы децентрализации управления, что позволило сформироваться собственно региональным элитам, получившим определенный объем прав и полномочий. Стоит отметить и личностный фактор.

Региональные лидеры значительное время проработали в Сибири, принимали участие в производственных процессах, воспринимали освоение Сибири как «свое дело». Начавшееся разрушение региональной экономики не могло не сплотить их.

2. Наличие схожих проблем сибирских территорий, обусловленных общностью природно-географического фактора, а также исторического освоения и развития.

3. Кризис советской идентичности и потеря мировоззренческих ориентиров, а также насаждаемая Центром либеральная идеология «невмешательства государства в экономику». В свете последнего региональные элиты стали восприниматься местным населением как «своя власть», которая в отличие от «чужого» («далекого», «устранившегося») Центра «не бросит». Заявления региональных политиков об «особых» той или иной территории встречали широкую поддержку среди общественных движений и отдельных граждан на местах, что объективно способствовало усилению региональной идентичности.

4. Разрыв хозяйственных связей и нарастание кризиса во всех сферах. Транспортная удаленность и рост тарифов превращали сибирский хозяйственный комплекс в изолированный от других экономических регионов России.

5. Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение», создавая которую региональные лидеры преследовали экономические цели – поддержать экономику, восстановить связи, обеспечить поставки по договорам и т.д. Однако постепенно сама Ассоциация стала воздействовать на их сознание, формируя региональную «сибирскую» идентификацию. Сыграла роль и институциональная конфигурация МАСС – каждый региональный лидер возглавлял какой-либо координационный совет «Сибирского соглашения» и в силу этого должен был решать проблемы в определенной сфере в масштабах Сибири.

6. Дореформенный (советский) управленческий опыт, связанный с большими экономическими районами и программами их комплексного развития. Прорыв радикальных рыночных реформ вновь актуализировал программный метод применительно к макрорегионам, что задавало соответствующий формат осмыслиения проблем (например, решение общесибирских проблем в рамках программ развития Сибири, в том числе ФЦП «Сибирь»).

7. Складывающиеся практики взаимоотношений сибирских территорий и Центра. С одной стороны, идентификации способствовала политика Центра, не учитывающая особенности регионов, что порождало противостояние «мы – они». С другой стороны, сибирским регионам удавалось добиваться уступок со стороны Центра, «одерживать победы», что также порождало ощущение единства.

8. Фактическое неравенство субъектов РФ, при котором предоставленные льготы одним субъектам Федерации становились «раздражителем» для других. В результате возникало разделение на «они» (незаконно получившие льготы) и «мы» (выступающие за равен-

ство), что усиливало региональную (сибирскую) идентификацию.

Сибирская идентификация региональной политической элиты. Идентификация «мы – сибиряки» проявлялась как в прямом отождествлении региональных лидеров с Сибирью (сибиряками), так и в дискурсивных конструкциях более общего (относительного) содержания.

Прямое отождествление проявлялось в следующих фразах: «...я, как патриот Сибири и Красноярска, предлагаю...» [3. Л. 20]. «Если будем исходить из предпосылок, что мы составляем самое главное, ради чего мы собрались и объединились, составляем единое экономическое пространство, мы должны решать вопросы для всех, не оставляя интересы отдельных областей. ...Давайте так и сделаем: исходить из интересов всей *нашей Сибири*» [Там же. Л. 64–65].

Конструкции общего содержания, вокруг которых выстраивалась идентификация «мы – сибиряки» выглядели следующим образом:

«Сибирские проблемы». «Возвращаясь к первой части нашего разговора по нашему продовольственному рынку, я на 100 процентов убедился, только Сибирь и наши взаимодействия смогут решить проблемы» [4. Л. 24]. «Только при совместной и дружной работе и четком взаиморасчете все это (кризисные явления. – Е.Л.) можно преодолеть». «И выход из создавшегося положения мы ищем сообща. Мы постоянно формируем механизм экономического взаимодействия с территориями» [7. Л. 30–31].

«Сибирская судьба». «Но сибиряков от края до края объединяет одна судьба, одна земля и одна беда. И выход из создавшегося положения мы ищем сообща» [Там же]. «Для нас нет малых и больших территорий. Для нас важно осознание общей судьбы сибиряка, общей ответственности» [5. Л. 10].

«Сибирский (экономический) организм». «Хотелось бы мне обратиться к коллегам по “Сибирскому соглашению”. Мы с вами представляем не просто территории, объединенные одним географическим понятием “Сибирь”, мы представляем единый живой экономический организм» [8. Л. 4].

«Сибирский голос», который звучит мощно. «Хотелось, чтобы наши требования, сегодняшняя наша работа не пошли наスマрку, услышали наш голос» [9. Л. 24]. «Поэтому назрела необходимость сегодня рассмотрения совместно с территориями Сибирского региона, мы не будем говорить за всю Одессу, за нашу Сибирь будем говорить» [Там же. Л. 37].

«Сибирская разумность». «Обстановка в Сибири становится взрывоопасной. ...Несмотря на предлагаемые разумные меры со стороны руководителей территорий, Правительство уверенно двигает ситуацию к пропасти, а титанические усилия руководителей территорий защитить население не дают результатов» [5. Л. 25].

«Принижение Сибири». «Мы оцениваем сложившуюся ситуацию с бюджетным обеспечением территорий как неудовлетворительную. Причем видим причины не только в общеэкономической ситуации тяжелой, кризисной и т.д., но и в продолжающейся политике центра по отношению к регионам, политике

уменьшения их самостоятельности, возможности принятия решения и сохранения контроля за центральными органами над поведением, действиями регионов». «Здесь есть вопросы, которые нам необходимо с учетом интересов территории обсудить, где еще возможно внести поправки, которые бы не ущемляли столь откровенно интересы региональной экономической политики» [10. Л. 2]. «А нами сегодня командуют, из центра устанавливают тариф. А всю колоссальную прибыль забирают центральные органы власти. Комиссия по энергетике наполовину состоит из московских руководителей» [9. Л. 53].

«Сибиряки – хозяева “своих” богатств». «Уважаемые товарищи, в общем-то, мы бюджет маленько изучили, поэтому мы просим, отдайте нам наше, а чужого нам не надо. ... Это уже ваше правительственные решение, а не закон государственный. Это разница большая. Мы научились, мы столько пережили, какие седые стали. Нас не обманешь» [5. Л. 74]. «Мы в Сибири действительно располагаем огромнейшим потенциалом. Этот творческий потенциал мы еще недооцениваем и не понимаем, каким богатством располагаем» [7. Л. 81].

«Сибирская самостоятельность». «Для России мы пишем поручения, но это в России. А на нашей территории нас что сдерживает? Правительство нас не сдерживает» [9. Л. 53].

«Сибирские интересы». «При условии принятия этого документа (о создании особой экономической зоны в Горном Алтае. – Е.Л.) это будет первая, может быть, оффшорная зона, которую мы будем использовать и в интересах развития уникальных природно-климатических особенностей этого края, и в интересах экономики всего “Сибирского соглашения”» [3. Л. 55]. «Сегодня государство, оставаясь должником, продолжает распоряжаться моим и вашим зерном. Вы знаете, кто и куда грузит? ... вот я и не хочу больше с государством связываться» [10. Л. 22].

«Сибиряки – тоже россияне». «Замечательно, когда Правительство, руководители обеих Палат просят смотреть на проблемы страны, которой они управляют, вместе с нами. Сибирь, Дальний Восток – это тоже Россия, здесь тоже живут россияне» [11. Л. 2]. «В зале сегодня сидят сибиряки. Это особый народ, который всегда помнит слова великого Михailo Lomonosova о могуществе Российском, что пристать будет Сибирию. Который чувствует себя глубоко ответственным за воплощение завета в жизнь и делает для этого все возможное» [12. Л. 15].

Трансляция сибирской идентификации от регионов Центру преследовала следующие цели:

Во-первых, это была форма взаимовстраивания конкурирующих «картин мира», в процессе чего налаживался диалог Центра и регионов, обозначались те позиции, при учете которых стороны готовы были «слушать» друг друга и договариваться. Это был один из механизмов внутриэлитного торга с целью достижения консенсуса.

Во-вторых, актуализация и трансляция сибирской идентификации должны были обеспечить электоральную поддержку региональным элитам на территори-

альном уровне, а также канализировать социальное недовольство в центр. Когда в речах региональных политиков население Сибири слышало свои чаяния, то убеждалось в том, что «своя» власть их слышит и «транслирует» их пожелания в Центр, отстаивает региональные интересы. Следовательно, Центр должен был реагировать на проблемы, в противном случае он становился объектом недовольства, а региональные элиты как бы выходили из-под критики «своего» населения.

В-третьих, для понимания и обозначения места «своего» региона в новой конфигурации территорий, составляющей государство, необходимо «создание региона» в информационном (дискурсивном, воображаемом) пространстве, что невозможно без формирования символов и образов, которые бы внедрялись в сознание местного населения, «формируя принципиально новые задачи по конструированию политического пространства» [1].

Выводы (результаты исследования). У региональных элит Сибири за 1990-е гг. сформировалась сибирская (региональная) идентификация. Это проявлялось в том, что: во-первых, во властном дискурсе постоянно присутствовала общесибирская тематика. Руководители сибирских территорий мыслили не только региональными (на уровне субъекта РФ) категориями, но и сибирскими. Делая заявления о том, что «мы ответственны за судьбу Сибири», выступая от имени «всей» Сибири, региональные лидеры начинали идентифицировать себя с Сибирью (пусть даже ситуативно, даже если сибирская идентификация была одной из нескольких). Во-вторых, это выражалось в активном формировании особого языка власти (дискурса), наполняемого особыми общесибирскими образами, которые становились мощнейшим средством разрушения советской идентичности и зарождения идентичности региональной.

Властная «сибирская идентичность» имела преимущественно политическое значение, поскольку была ориентирована «вовне» – федеральному Центру и другим регионам. Такая направленность была призвана утвердить значимые региональные символы, смыслы, иерархии на федеральном уровне. Так, региональные элиты стремились тезис о «сибирской уникальности» встроить в федеральный властный дискурс и регулярно его актуализировать. В свою очередь Центр, заинтересованный в поддержке регионов, воспринимал транслируемые ему образы, акцентировал их, что создавало основу для внутриэлитных компромиссов. При этом политическое значение сибирской идентификации не стоит преувеличивать. Она была ориентирована скорее не на мобилизацию населения с целью поощрения сепаратистских движений и раскол, а на демонстрацию Центру в периоды обострения ситуации того, что такая мобилизация может быть проведена в случае необходимости.

Показательно, что во время политического кризиса в сентябре–октябре 1993 г., несмотря на кажущиеся выгоды от провозглашения «Сибирской республики», население и часть политической региональной элиты не поддержали данную идею. Провалом закончились

идеи о создании «Сибирской партии». Чаще же речь шла о стремлении добиться внутриэлитного консенсуса через торг регионов с федеральным центром. Более того, политические элиты в Сибири в силу местных особенностей выступали не только как генераторы сибирской идентичности, но и как сила, сдерживающая сепаратистские настроения. И актуализируя сибирскую идентификацию, региональные элиты «как бы» помогали Центру вовремя увидеть данную проблему и вовремя принять необходимые меры. В действительности это был способ обратить внимание на региональные проблемы.

Сибирская идентификация не являлась сепаратистской по своей сути, о чем свидетельствует использование не только образов Сибири, но и их сочетание с общероссийскими ценностями, в том числе ценностью сохранения единого государства, равенства всех субъектов и т.д. «Сибирская идентификация» не противопоставляется российской, а развивалась как составная часть последней. Ярким примером является проект ассоциации «Сибирское соглашение» поувековечению памяти воинов-сибиряков, погибших на полях Великой Отечественной войны. В рамках данного проекта решено было поставить памятник возле города Белый Тверской (Калининской) области, где Сибирский добровольческий корпус понес большие потери. С точки зрения формирования идентичности памятник воинам-

сибирякам в европейской части России акцентировал идею единства страны и народа, перекидывая «мостик» к советскому прошлому.

Идентификация сибирской региональной элиты вряд ли была «устойчивой» и окончательно сформированной; на прежние взгляды (систему ценностей) советского периода накладывались представления о новых реалиях. При этом процесс был двусторонний – сами региональные лидеры, исходя из своих представлений, интерпретировали происходящее, тем самым оказывая влияние на восприятие действительности как населением подвластных территорий, так и федеральным центром, который не мог не считаться с мнением политических элит регионов. Однако относительно образа «единого целого» («мы – сибиряки») отметим, что этот образ вступал в противоречие с образом отдельных регионов, конкурировал с ними властном дискурсивном пространстве. Даже на Совете МАСС, где сибирские регионы старались выступать единым фронтом в отношении Центра, нередко руководители отдельных субъектов Федерации акцентировали внимание на том, что конкретно в их регионе (отдельном субъекте) ситуация намного хуже, чем у других. То есть образы отдельных субъектов, которые выстраивались их руководителями, как бы размывали «единый образ Сибири», а следовательно, сибирскую идентификацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ачкасов В.А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» // ПолитЭкс. 2005. № 1. URL: <http://www.politex.info/content/view/90/30/>, свободный.
2. Казула Ф. Разделенное государство: федерализм как агонизм наций? // К новой модели российского федерализма / под. общ. ред. А. Рябова, А. Захарова, О. Здравомысловой. М. : Весь Мир, 2013. 328 с.
3. Стенограмма XV заседания Совета МАСС от 25–26 июня 1994 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 48.
4. Стенограмма XVI заседания Совета МАСС от 25 марта 1995 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 72.
5. Протокол XXIII заседания Совета МАСС от 14 декабря 1996 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 88.
6. Экономическая реформа и социально-экономическое развитие Сибири // Регион: экономика и социология. 1991. Вып. 1. Январь–апрель. (Известия Сибирского отделения АН СССР). Новосибирск : Наука (Сибирское отделение), 1991.
7. Протокол IX заседания Совета МАСС, проведенного 9–10 июля 1993 года в г. Саяногорске // ГАНО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 26.
8. Стенограмма XVIII заседания Совета МАСС, проведенного 21 июля 1995 года в г. Тюмени // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 75.
9. Протокол X заседания Совета МАСС от 24 сентября 1993 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 27.
10. Стенограмма заседания рабочей группы МАСС, проведенного 2 июня 1994 г. в г. Москве // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 47.
11. Стенограмма совещания руководителей федеральных органов власти РФ, субъектов Федерации, МАЭВ Урала, Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья от 2 декабря 1994 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 50.
12. Стенограмма XXI заседания Совета МАСС от 19 мая 1996 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 85.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 апреля 2015 г.

IDENTIFICATION OF SIBERIAN POLITICAL ELITE: A CASE-STUDY OF THE INTERREGIONAL ASSOCIATION SIBERIAN ACCORD ACTIVITIES

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 113–118. DOI: 10.17223/15617793/398/18

Lukov Eugene V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lev74@mail2000.ru

Keywords: Siberia; Siberian Accord; interregional associations; identity; regional studies of Russia.

In the 1990s the regional elites of Siberia formed Siberian (regional) identification. This was manifested in the fact that, firstly, there was constantly the common Siberian theme in the power discourse; secondly, this was expressed in the formation of the power particular language (discourse) filled with the unique common Siberian images that were becoming a powerful tool of the Soviet identity destruction and the emergence of the regional identity. Power "Siberian identity" had mostly political significance because it was oriented to the "outside" – the federal center and other regions. This focus was intended to approve significant regional symbols, meanings, hierarchies at the federal level. Thus, the regional elites tried to build the thesis of "Siberian uniqueness" into the federal power discourse and update it regularly. In turn, the Center, interested in the regions support, took the images conveyed to it, accented them, which laid the foundation for compromises within the elite. However, the political significance of the Siberian identification should not be exaggerated. It was not focused on mobilizing population to encourage separatist movements and division, but rather on demonstrating to the Center during the periods of tension the situation that such mobilization could be carried out if necessary. Actualizing Siberian identification, the regional elites "as if" helped the Center to see the problem in time and take the necessary

measures. In fact, it was a way to draw attention to regional problems. Siberian identification was not separatist in nature, as evidenced by the use of not only images of Siberia, but also their combination with the all-Russian values, including the value of preserving a single state, the equality of all subjects, etc. "Siberian identification" was not opposed to Russia, and developed as part of it. Siberian regional elite identification was hardly "sustainable" and completely formed. The understanding of new realities superimposed on the previous views (system of values) of the Soviet period. The process was bilateral: regional leaders themselves, based on their performances, interpreted what was happening, thereby influencing the reality perception of both the population of subject territories and the federal center. However, with respect to the image of "a whole" ("we – Siberians"), it should be noted that this image came into conflict with the image of individual regions, competed with them in the power discourse space, which blurred "the whole image of Siberia", and, consequently, Siberian identification.

REFERENCES

1. Achkasov, V.A. (2005) Regional'naya identichnost' v rossiyskom politicheskem prostranstve: "kaliningradskiy kazus" [Regional identity in the Russian political arena: "Kalininograd incident"]. *Politeks – Political Expertise Journal*. 1. [Online]. Available from: <http://www.politek.info/content/view/90/30/>.
2. Kazula, F. (2013) Razdelennoe gosudarstvo: federalizm kak agonizm natsiy? [Divided government: federalism as agonism of nations?]. In: Ryabov, A., Zakharov, A. & Zdravomyslova, O. (eds) *K novoy modeli rossiyskogo federalizma* [To a new model of Russian federalism]. Moscow: Ves' Mir.
3. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 48. Transcript of the XV meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 25–26 June 1994. (In Russian).
4. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 72. Transcript of the XVI meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 25 March 1995. (In Russian).
5. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 88. Protocol of the XXIII meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 14 December 1996. (In Russian).
6. Anon. (1991) Ekonomicheskaya reforma i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Sibiri [Economic reform and socio-economic development of Siberia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 1. January–April.
7. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 245. List 1. File 26. Protocol of the IX meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 9–10 June 1993 in Sayanogorsk. (In Russian).
8. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 75. Transcript of the XVIII meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 21 July 1995 in Tyumen. (In Russian).
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 27. Protocol of the X meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 24 September 1993. (In Russian).
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 47. Transcript of the meeting of the Siberian Accord Interregional Association work group of 2 June 1994 in Moscow. (In Russian).
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 50. Transcript of the meeting of heads of federal authorities of the Russian Federation, subjects of the Federation, Interregional Associations of Economic Cooperation of Urals, Siberia, the Far East and Trans-Baikal on December 2, 1994. (In Russian).
12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO) Fund R-245. List 1. File 85. Transcript of the XXI meeting of the Siberian Accord Interregional Association Council of 19 May 1996. (In Russian).

Received: 29 April 2015